4 0 8

МРТУ 19 №: 183--65

1

2


студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—708


РГДБ
2017
Олег Тихомиров
Аннушка
художник Г. Незнайкин



Занятия первой смены окончились, и школа на какое-то время притихла и опустела. Низкорослая, сухонькая уборщица, которую все звали Аннушкой, стояла возле дверей шестого „Б“ и смотрела в класс.



Две девочки протирали парты, толстый мальчишка с нашивками на рукаве поливал цветы. Но Аннушка смотрела не на них...



...а на Игоря Сбитнева, который неумело возился со щёткой. Мокрая тряпка то и дело соскакивала, и Сбитнев сердито дёргал головой и вскидывал чёрные волосы.



Игорь напоминал Аннушке сына Федю. „Он тоже вот точно так вскидывал волосы. И такой же чёрный был“, подумала Аннушка. Федя утонул в озере. Случилось это давно. Очень, очень давно.



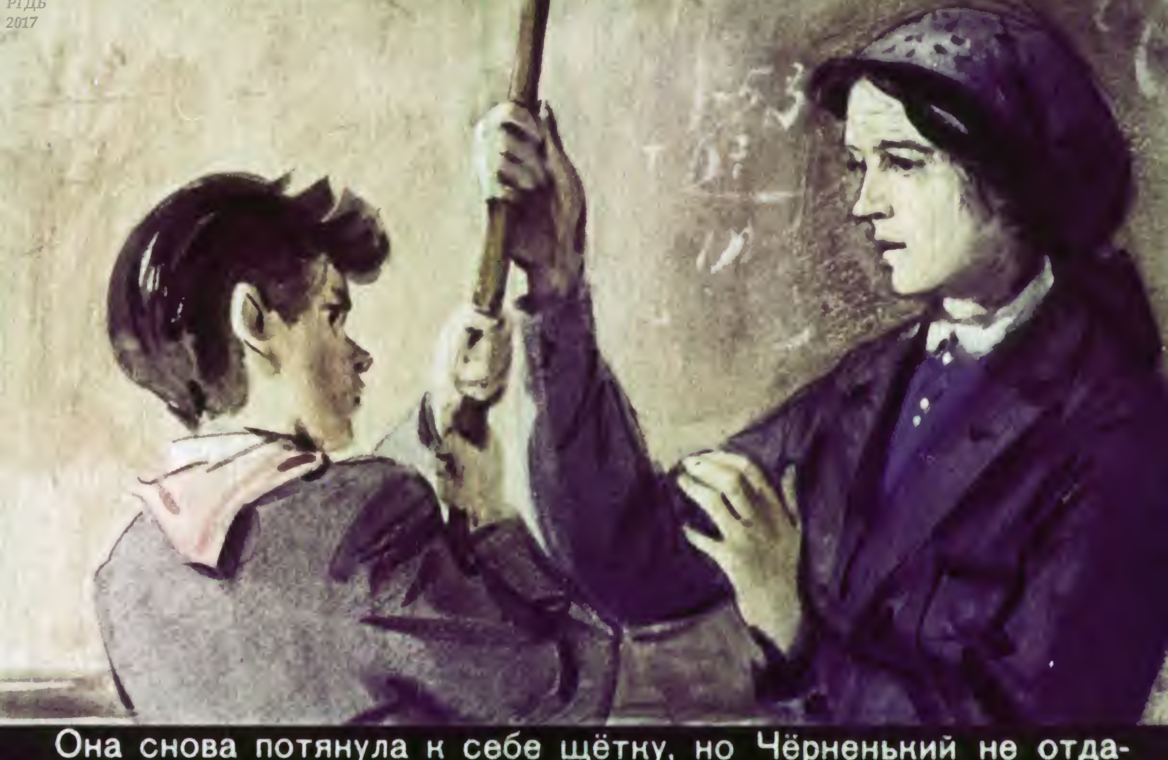
Аннушке уже за пятьдесят. Ей, правда, никто не даёт этих лет. Может быть, потому, что она подвижная и маленькая, а может, и потому, что у неё звонкий, почти девичий голос.



Тряпка на щётке у Чёрненького всё болталась и соскакивала. Аннушке стало жаль его. Она подошла к нему, взялась за щётку и сказала: „Дай-ка мне“.



–„Нельзя, Аннушка,–сказал толстый мальчишка с нашивками на рукаве.–У нас самообслуживание".–Аннушка сердито покосилась на него: „Ишь ты! Начальство!–И добавила:–Иди пообедай, а то похудеешь". В классе засмеялись.



Она снова потянула к себе щётку, но Чёрненький не отдавал. — „Ну что ты?" — удивилась Аннушка. — „Ничего. Пустите", — вдруг упрямо и зло проговорил Чёрненький.



Аннушка отпустила щётку и вышла из класса. Было непонятно, отчего рассердился Черненький. Было обидно.



А Игорь Сбитнев тоже никак не мог понять, почему Аннушка как-то по-особенному относится к нему. И всё смотрит, смотрит на него. Иногда улыбнётся. Игорю делалось неловко. Он сердился и думал: „Вот пристала". Помнил Игорь и про её гусиное сало.



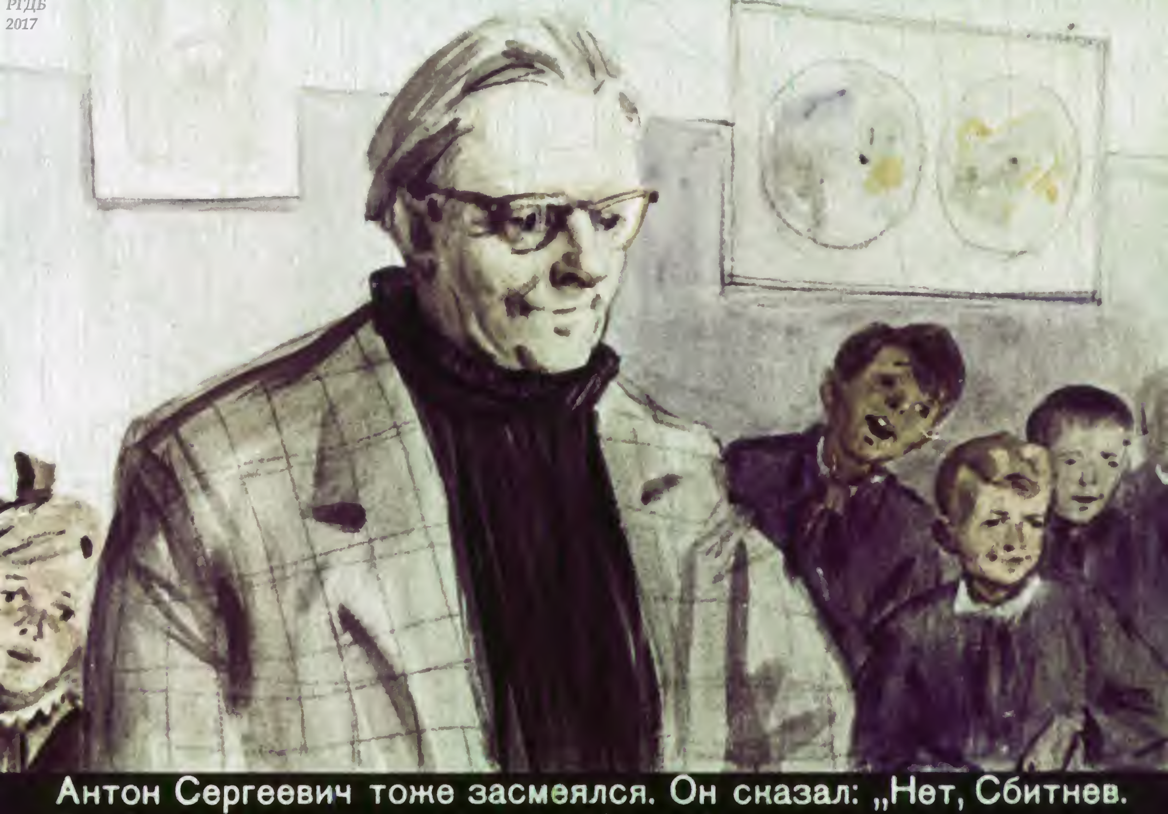
Как-то перед зимними каникулами Аннушка остановила Игоря на лестнице. – „Миленький, ухо-то отморозил. Аж побелело". – Игорь потёр ухо и побежал дальше.



А в середине первого урока Аннушка вдруг вошла в класс. –„Вы что хотите?“ – спросил её Антон Сергеевич; он только начал было рассказывать про борьбу Людовика XI с Карлом Смелым.



–„А я вот к нему. –Аннушка показала на Игоря. –Он нынче ухо отморозил. Надо салом растереть“. –В классе прыснули. Игорь покраснел: „Не надо мне никакого сала. Это всё предрассудки и суеверия“.



Антон Сергеевич тоже засмеялся. Он сказал: „Нет, Сбитнев. Гусиное сало – вещь полезная. Ну-ка, Аннушка, подлечите его“.



Аннушка села на парту к Игорю и принялась растирать ему ухо салом.



С тех пор Игорь сторонился Аннушки. И теперь, закончив подметать, он поспешил с ребятами домой. Аннушка глядела им вслед из окна. А к школе уже потянулась вторая смена.



Аннушка собралась было уйти домой, как вдруг к ней подлетел испуганный мальчуган, по прозвищу Чиж, из четвёртого „А“. – „Там... там... – показал он куда-то в дальний конец коридора, – там Беликов падает... Он разобьётся!“



Аннушка выглянула в окно и обомлела. На карнизе, шагах в семи от неё, стоял, прижавшись грудью и щекой к стене, Беликов.



...— Он спорил со мной, — затараторил Чиж, — что пройдёт по карнизу до угла и обратно. А обратно не может... Повернуться не может. И задним ходом не может... боится.



Раздумывать было некогда. Аннушка перелезла через подоконник и, нащупав ногой упор – это был вбитый в стену крюк, – стала осторожно тянуть ногу к карнизу.



Встав на карниз, Аннушка перевела дух. Оставалось самое страшное – оторваться от подоконника и идти по этому неширокому карнизу. – „Падаю“... – скулил Беликов. – „Иду, иду, родненький. Иду я“... – приговаривала Аннушка.



Беликов умолк, да и её тоже как-то успокаивали собственные слова. Шаги она делала совсем маленькие, а вытянутая вперёд левая рука долго щупала стену, хотя было видно, что зацепиться там не за что.



До Беликова Аннушка дотянулась, когда тот начал снова хныкать. Она крепко взяла его за руку, и они стали передвигаться назад – ещё медленнее, ещё осторожнее.



Когда добрались до подоконника, отдохнули. В окно первым полез Беликов. Аннушка его поддерживала.



Затем полезла сама. Встав на крюк, потянулась к раме. Но нога соскользнула... Аннушка, не удержавшись, с крином полетела вниз.



Она упала на кучу угольного шлака, которую ещё не успели убрать с зимы. От сильной боли на миг потеряла сознание.



Когда Аннушка открыла глаза, к ней уже бежали мальчишки и девчонки, что-то кричали. Но в голове у неё стоял звон, и она ничего не понимала. Лицо было порезано острыми кусками антрацита, из рассеченного лба текла кровь.



Приехала санитарная машина. Аннушку положили на носилки и увезли.



В первые дни Аннушке не велели разговаривать. Приходила ненадолго её взрослая дочь. Она смотрела на обмотанную бинтами голову матери и плакала.



Больничная тишина и покой угнетали Аннушку. Люди в белых халатах ходили неслышно, словно по воздуху. А ей всё острее хотелось звонков, суеты и смеха. Неудержимого, здорового смеха. Аннушка заскучала.



В воскресенье к ней пропустили ребят. Волна радости нахлынула на неё, и сердце забилось часто-часто. Аннушка увидела мальчишек и девчонок, тех самых озорников и „циркачей", на которых так любила смотреть.



А они стояли серьёзные и молчаливые. В руках ребята держали цветы и кулёчки. Рядом с Антоном Сергеевичем она приметила мальчугана. Он был меньше всех. „Это же Беликов“, вспомнила она.



Аннушке хотелось отыскать Чёрненького, а он никак не попадался ей на глаза. Красные галстуки, чьи-то косички, чьи-то пухлые губы и голубые глаза — всё это хорошо. Но Чёрненький? Где же он?



Вперёд вышла круглолицая девчонка и стала читать с листка: „За проявленную находчивость и мужество...“ – долетели до Аннушки слова.



„Чёрненький-то не пришёл, – заворочалась в голове у Аннушки горькая мысль. – Не пришёл...“ А девчонка всё читала: „...диренция школы выносит благодарность...“



Тут бесшумно открылась белая дверь, и вошло ещё несколько ребят. Аннушка увидела Чёрненького – в руках у него тоже были цветы.



Она попробовала улыбнуться, но из-за бинтов никто этого не заметил. Только глаза её, остановившиеся на Чёрненьком, светились тепло и спокойно.

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор А. Морозов

Студия „Диафильм", 1971 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30
Д-323-71